

сложность, самоорганизующаяся критичность, управление в ситуациях неопределенности и т. п. В приблизившемся к нам вплотную (пост) современном мире, в мире влиятельных нематериальных активов и новых форм практики такие проблемы, как мировоззрение и миростроительство, системы ценностей и мышление представляют не только академический, гуманитарный или богословский интерес, они на сегодняшний день весьма социализируются и являются очень практическими темами. В качестве парадоксального примера привел бы лишь один эпизод. Наум Хомский, описывая свою деятельность в Массачусетском технологическом институте, рассуждал по определенным причинам о роли Пентагона в финансировании тех или иных исследований и не только проблем семантики и лингвистики, но также... теории музыки. Пропуская некую логическую цепочку для экономии времени, упомяну лишь, что, к примеру, первая иракская война велась на основе рефлексивного управления событиями, равно как и вторая война там же велась также с использованием инновационных методов действия в новом динамичном мире... Думаю, в ходе будущих семинаров мы еще не раз вернемся к подобным ситуациям, рассматривая их в различных аспектах, в том числе и с точки зрения ведущихся в мире поисков оптимальной методологии принятия эффективных решений.

Теперь же перейдем непосредственно к рассмотрению различных аспектов миростроительства нынешней, заметно более сложной социальной среды — складывающегося на планете постсовременного мира.

Актуальное социальное действие: пришествие постсовременного мира

Где, однако, пролегают края новой эпохи, которую мы достаточно невнятным образом обозначаем как *постсовременность*? В основе переживаемого человечеством глобального транзита лежат глубокие, не вполне познанные и

весьма различным образом отрефлексированные причины. Обсуждение глобализации в определенной степени отодвинуло в тень некоторые иные процессы, имеющие прямое отношение к происходящему на планете социокультурному перевороту. Иначе говоря — глобализация есть некое следствие, состояние среды, статус социальной оболочки. Не менее важно, однако, исследование процессов, порождающих данную среду, ибо опознание и анализ именно этих тенденций позволяет не только осознать актуальный статус антропологической реальности, но в определенном смысле также «заглянуть за горизонт».

Движение истории — смена социальных ситуаций, параметров жизнеустройства; процесс, возможно, имеющий определенное целеполагание: расширение пространства человеческой свободы. И одновременно — изменение числа обитателей планеты, рост количества взаимосвязей и коммуникаций между ними, стремительное усложнение социального текста, формирование все более комплексных и все более гибких антропологических организованностей.

Обсуждая такие категории, как история, цивилизация или культура, следует, пожалуй, оговорить специфику социального и гуманитарного дискурса, дабы избежать распротранившегося в данной сфере сциентистского и квазисциентистского подходов.

Особенность предмета социальных/гуманитарных дисциплин, в отличие от оснований естественных наук, зиждется на подвижной реальности человеческого универсума, на различных — порою весьма различных — культурных, ценностных, мировоззренческих и иных основаниях. Не случайно при использовании категориального аппарата данных дисциплин мы столь часто ссылаемся на авторитеты, проясняя смысл, вкладываемый в тот или иной термин, в то или иное понятие — действие, в общем-то, избыточное, скажем, в физике. И пока этой «темной воды» не касаться, особого конфликта не возникает. Но в условиях интенсивно развивающейся переходной ситуации, когда прежний категориальный

аппарат трещит по швам, когда возникает необходимость определять предельные значения тех или иных понятий, приходится не просто касаться этих вод, а прямо-таки нырять в них. И тут возникают серьезные разночтения.

Следующее рассуждение также строится на неких постулатах.

Судьбоносный поворот истории — переход от традиционных политеистических систем к монотеизму, высшим выражением которого стало христианское мировоззрение, обосновавшее уникальные горизонты человеческой личности, породив богатство современной цивилизации. Данное мировоззрение прописало себя в историческом тексте несколькими культурными версиями, из коих доминирующей на планете стала протестантская, на основе которой, в сущности, был сформирован современный мир (*Modernity*) и его североатлантический центр.

XX в. ознаменовался социокультурной революцией, выдвинувшей заметно иную версию прочтения цивилизационного текста (*Post Modern World*). Секуляризация, выступив как надконфессиональная форма христианского мировоззрения — придающего особое значение свободе выбора — создала со временем культурную оболочку глобальных пропорций, вместившую в себя не только Ойкумену, но и разноликий планетарный Варваристан, прямо и косвенно способствуя расцвету мультикультурности, возрождению религиозных и культурных кодов, обустроив таким образом пространство открытой конкуренции мировоззренческих систем.

Новый век характеризуется как полнотой географической (коммуникационной) просторности — выразившейся в *глобализации*, так и высвобождением активной личности, антропоструктур из-под суверенитета социоструктур, выражением чего стала *индивидуация* — предельное состояние земной человеческой свободы.

В результате активного представления будущего на планете параллельно административно-политической, на-

ционально-государственной проекции человеческого сообщества (и прежней, упрощенной системе координат Восток–Запад) выстраивается трансграничная конструкция глобального масштаба — динамичная среда Нового мира.

* * *

В многолюдной, многоэтажной вселенной складывается новый формат социального акта. Одновременно рождается инновационная методология познания и действия, основанная на восприятии космоса людей как бурлящей, турбулентной реальности.

Реформация статуса человечества связана не только с широко обсуждаемыми процессами глобализации. Мы вступаем в мир, в котором обитает множество субъектов действия, освобожденных технологической цивилизацией от ряда земных обременений. А усложнение карт социокосмоса чем-то напоминает пересмотр картины мира физического, совершившийся в начале прошлого столетия и отмеченный рождением теории относительности, квантовой физики, гипотезы расширяющейся вселенной... Антропологическая галактика сегодня также перестает рассматриваться как расчерченная на клеточки шахматная доска, где одна мозаика порядка механистически сменяет другую. Все большее признание завоевывает заметно отличный взгляд на глобальное сообщество — как на *новый мировой беспорядок*: субстанцию многомерную, чрезвычайно подвижную, продуцирующую непривычные миры и конструкции.

В чем, собственно говоря, суть современной (*contemporary*) цивилизационной ситуации? Ее основа, повторяю, — масштабная социокультурная революция, которую не одно десятилетие переживает мир. В проявленной форме протекает она лет сорок, а в каком-то смысле весь XX в. был столетием цивилизационного транзита. Но хотя в человеческом сообществе возникает и распространяется феноменология (пост) современного (*post-modern*) генезиса, однако

же и реалии эпохи Модернити соприсутствуют на исторической сцене.

Драматичные перемены последних десятилетий, судя по всему, обозначили конец прежней, более-менее стационарной, «горизонтальной» модели социального порядка. Историческое поражение коммунизма, позволившее в 1990-е гг. говорить о благостном «конце истории» (к этому сюжету мы еще вернемся) как торжестве либеральных идей и институтов демократии, сменилось на наших глазах тревожным мироощущением, отразившемся в ироничном (с точки зрения самой истории) переосмыслении популярного тезиса. А крах СССР, знаменуя конец биполярного мироустройства, одновременно явился точкой отсчета цивилизационного транзита, перехода глобализирующегося сообщества в динамичное и нестабильное состояние (симптом возможной *«хаотизации организации»*).

Преображается структура международных связей, номенклатура субъектов, под сомнением оказывается, фактически, вся классическая, «вестфальская» система международных отношений.

Призраки и тени новой среды: мутация институтов, оставленных в наследство эпохой Просвещения; более свободное управление рисками, повышающее ставки в глобальной игре; форсаж и одновременно «развязывание» политического мироустройства; распространение неолиберальной матрицы практики; разрастание метастаз глобального андеграунда — все это формирует заметно иной образ генеральной конструкции (или ее отсутствия), нежели предсказания не столь уж, надо сказать, отдаленного прошлого. Двигаясь по кромке миропорядка, человечество все чаще ощущает хрупкость ситуации, многочисленные резонансы возникающего разнообразия, предчувствуя возможность радикальных перемен: своеобразного Большого Взрыва, способного породить как новую конфигурацию окружающей нас реальности, так и расколоть планету людей, произведя поколение астероидных организованностей — различных манифестаций мирового беспорядка.

Возникает гротескный образ *диффузного мира*, в котором конфессии размываются сектами, толками, тайными орденами, политика замещается операциями спецслужб, политтехнологов, командос, экономика — финансовыми производством и его производными, а культура — индустрией грез, душевного комфорта, иллюзий.

(Пост) современная революция и контрреволюция — духи постиндустриализма и неоархаизации «в одном флаконе» — могут иметь различные обличья. Они проявляются в смешении культур и мировоззренческих позиций; генезисе гибких, влиятельных структур, объединенных формальными и неформальными контрактами; драматичных метаморфозах Нового Севера и альтернативной экспансии Глубокого Юга... Триггером критических изменений в человеческом общежитии может стать, к примеру, террористическая операция с применением средств массового поражения, либо ответный удар цивилизации с использованием аналогичных устройств, или глобальная пандемия, либо серьезный сбой финансовой системы. Мы наблюдаем генезис сложного общества, органично включающего в себя элементы хаоса, но вряд ли можем предъяснить сколь-либо устойчивый и долгосрочный прогноз развития.

В прихожей XXI в. спектр прочтений путей мира необычайно широк, и можно разглядеть перспективы, ранее неведомые историческому взору.

Так, к примеру, террористическая активность, индивидуальный акт деструкции, судя по всему, становится устойчивой чертой нового миропорядка, будучи порою извращенным проявлением тех же тенденций цивилизации к преодолению авторитаризма и стремления к соборной свободе, что лежат в основе феномена гражданского общества. Это своего рода обугленный остов обостренной гражданской инициативы в тотально недоброжелательной, агрессивной среде. Фрустрированная личность, отчужденная от общества, но наделенная социальным инс-

тинктом, сама отчуждает мир от бытия, пусть даже ценой аннигиляционной вспышки. Дело здесь, таким образом, не в полной смене цивилизационного кода, а в изменившихся обстоятельствах прочтения социального текста, а также в технически обоснованных возможностях реализации внутреннего выбора. Но, вместе с тем, это иной модус цивилизации, лишенной определенных нравственных границ.

Естественно, что в условиях транзита предпринимаются энергичные попытки осмысления открывшихся горизонтов, разрабатываются методы управления меняющимся миром и планирования стержневых событий.

* * *

Обнаруживаемые на протяжении прошлого столетия перспективы и глубины, стимулировали развитие общественных наук, инициировав многочисленные и разнообразные исследования.

В фокусе внимания оказываются не только трансформация властных механизмов или перемены в номенклатуре международных отношений, но и мутации социального менталитета, возникновение общественных популяций, их семантика, иерархия. Нас интересует не только прогноз общественной динамики во все усложняющемся мире, не только траектория жизни на грани турбулентности под зонтиком того или иного «глобального полицейского», не только качество предельных состояний общества, но также смыслы, образы, ценности нового бытия, методология познания и действия в условиях жизни на краю хаоса. Как, кому, с какой целью приходится действовать в ситуации перманентного стресса, нарастания конкуренции, выхода на поверхность новых средств господства при усилении неопределенности в динамичном, нелинейном мире с явно изменившейся скоростью социального времени?

Однако не одна лишь инновационная методология практического акта фокусируется треснувшим циферблатом

Нового времени. Востребованной оказалась культурно-метафизическая платформа, мыслительная и мировоззренческая позиция, способная противопоставить себя инволюционным векторам цивилизационного кризиса, чувству интеллектуальной растерянности, культурной эклектике и моральному синкретизму. Позиция, способная превозмочь несовершенства прежней ментальной матрицы, начертать собственный интеллектуальный горизонт и социальную *high frontier*.

Неудивительно, что стремительно растет число исследований, в которых с различных позиций анализируется переходное, отчасти парадоксальное состояние цивилизации, толкуются изменения в антропологической вселенной.

Начало современного этапа дискуссий, в немалой степени подкрепленных энергией информационного взрыва, можно, вероятно, отнести к середине прошлого столетия. В мире, очнувшемся от шока Второй мировой войны и вовлеченном в круговорот перемен, практически одновременно возникает разговор об *окончании периода Нового времени* (Р. Гвардини, 1954²), начинается фундаментальная переоценка мироустройства — в виде концепции *социального постмодерна* (П. Дракер, 1957, а ранее, фактически, инициированная А. Тойнби, 1939, 1947³), разворачиваются дебаты о выходе на политическую арену аналога исторического «третьего сословия» — «*третьего мира*» (А. Сови, 1952⁴). После Бандунгской конференции понимание «третьего мира» заметно обновляется, и он воспринимается как своего рода «третья сила» на планете (Ж. Баландье, 1955).

Кристаллизуются концепты, связанные с осмыслением реальности, меняются язык, семантика анализа и прогноза. Возникает деполитизированная модель *индустриального*

---

² *Gwardini R. Ende der Neuzeit. Leipzig, 1954.*

³ *Drucker P. The Landmarks of Tomorrow. N.-Y., 1957; Toynbee A. Study of History. Abridgement of Volumes I-VI by Sommervell D.S. Oxford, 1947.*

⁴ *Sauvy A. // L'Observateur. P., 14.VIII.1952.*

общества (Ж. Фурастье, Р. Арон, У. Ростоу⁵) или *посткапиталистического* (Р. Дарендорф, 1959), обосновывающая как догоняющую стратегию развития, *модернизацию*⁶ для стран Третьего мира, так и схемы *конвергенции* для индустриально развитых государств (П. Сорокин, Я. Тинберген, Х. Шельский, О. Флейтхейм, А. Сахаров). Появляется формула *нового индустриального общества* (Дж. Гелбрайт, 1967⁷). Наконец, вводится в обиход оказавшийся крайне перспективным тезис о грядущем *постиндустриальном обществе* (Д. Рисмен, 1958, Д. Белл, 1967⁸). Все эти мелодии и напевы активно аранжируются, развиваются в последующие десятилетия.

На судьбоносном рубеже 1960–1970-х гг. преимущественно получают идеи и построения, оценившие историческую перспективу как провозвестие *постиндустриального мира* (Д. Белл, 1973, А. Турен, 1969⁹), перерастающие в параллельные модели *информационного общества* (М. Маклюен, Е. Масуда, Дж. Несбит¹⁰) или *общества услуг* (Ж. Фурастье, А. Кинг и Б. Шнайдер). Развивается оценка ситуации в категориях *постмодерна* (А. Этциони, 1968 и К. Райт Милс, 1970,

---

⁵ Fourastie J. Le grand espoir du XX-s siecle. P., 1949; Aron R. Le developement de la societe industrielle et la stratification sociale. P., 1956; *idem*. Trois essais sur l' age industrielle. P., 1966; *idem*. 18 Lectures on Industrial Society L., 1968 (цикл лекций, прочитанных в Сорбонне в 1957-58 гг.); Rostow W.W. The Stages of Economic Growth. A Noncommunist Manifesto. Cambr., 1960; *idem*. Politics and the Stages of Growth. Cambr., 1971.

⁶ Lerner D. The Passing of Traditional Society: Modernizing the Middle East. Glencoe, 1958; Hagen E. On the Theory of Social Change: How Economic Growth Begins. Homewood, 1962; Levy M., Jr. Modernization and the Structure of Societies: A Setting for International Affairs. Vol. 1-2. Princeton, 1966; Eisenstadt S. Modernization: Protest and Change. Englewood Cliffs, 1966; Black C. The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History. N.-Y., 1966.

⁷ Гелбрайт Д. Новое индустриальное общество. М., 1969.

⁸ Riesman D. Leisure and Work in Post-Industrial Society // Mass Leisure / Ed. by E. Larrabee, R. Meyerson. Glencoe, 1958; Bell D. Notes on the Post-Industrial Society // The Public Interest. 1967. № 6, 7.

⁹ Touraine A. La societй post-industrielle. P., 1969; Bell D. The Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting. N.-Y., 1973.

¹⁰ McLuhan H.M. The Gutenberg Galaxy. Toronto, 1962; Masuda Y. The Information Society as Post-Industrial Society. Wash., 1981.

Ж. Бодрийар, 1970, Ф. Лиотар и др.¹¹). Теория модернизации эволюционирует в направлении концепции зависимого развития, порождая понятие *периферийного капитализма* (Р. Пребиш, Ф. Кардозо, Т. Дос Сантос). Формируется *мир-системный* подход к анализу развития мира (Ф. Бродель, И. Валлерстайн, 1974¹²). Ведутся дискуссии о *дальних горизонтах цивилизации*, о необходимости кардинальной *смены стратегий развития* как индустриального, так и Третьего

Художник В.В. Покатов.

Серия «Жемчужина русского зодчества в экслибрисах художников»

¹¹ Etzioni A. The Active Society. A Theory of Social and Political Processes. N.-Y., 1968; Wright Mills C. The Sociological Imagination. Harmondsworth, 1970; Baudrillard J. La société de consommation. P., 1970; Lyotard J-F. La condition postmoderne. Rapport sur le savoir. P., 1979.

¹² Wallerstein I. The Modern World-System. Vol. 1. Capitalist Agriculture and the Origin of the European World-Economy. N.-Y., 1974.

мира, о *глобальных проблемах*, стоящих перед человечеством, о *многополярной структуре* политического космоса, о введении в мировую политику принципов *экологической безопасности*, *нового международного экономического порядка*, *Real-politik*, а затем — несмотря на Вьетнам и Чехословакию — *разрядки*. Тогда же возникает разговор о пересмотре всей конструкции мироустройства, впервые отчетливо прозвучавший, пожалуй, на IV Генеральной Ассамблее Всемирного Совета Церквей (Швеция, 1967).

* * *

Момент истины XX в., по-видимому, 1968–1973 гг. (или, как вариант, десятилетие 1965–1975 гг.) — эпицентр социокультурной революции, обозначившей рубеж перерождения, угасания протестантского мира и одновременно выхода на поверхность, социальной реабилитации его подспудных течений.

Нижняя граница периода была охарактеризована как «*вступление в фазу новой метаморфозы всей человеческой истории*» (З. Бжезинский), «*великий перелом*» (Р. Диес-Хохлайтнер), «*мировая революция*» (И. Валлерстайн). В то время, в условиях «позолоченного века» — материального изобилия цивилизации, раскрепощения человека от многих тягот природных и социальных ограничений — в мировом сообществе, как на Востоке, так и на Западе, происходят системные изменения.

Збигнев Бжезинский одним из первых формулирует тезис о стратегической цели, к которой должен стремиться Запад: создание *системы глобального планирования и долгосрочного перераспределения мировых ресурсов*¹³. Социальные и политические ориентиры, очерченные в работе «*Между двумя эпохами*»:

---

¹³ Brzezinski Z. America in the Technotronic Age // Encounter. Vol. XXX. January 1968; *idem*. Between Two Ages. America's Role in the Technotronic Era. N.-Y., 1970.

- а) замена демократии господством элиты¹⁴;
- б) формирование наднациональной власти, но не на путях объединения наций в единое сверхгосударство, а как итог сплочения ведущих индустриально развитых стран;
- в) создание элитарного клуба ведущих государств мира¹⁵.

И в процессе реализации этих мер предполагается, в частности, создание основы для:

- г) «*чего-то, граничащего с глобальной налоговой системой*»¹⁶.

Социальная динамика, а также опыт работы над масштабными проектами (в частности, военными и космическими) предопределили попытку сформулировать «*принципы мирового планирования с позиций общей теории систем*» (Э. Янч)¹⁷

---

¹⁴То есть «*постепенное появление все более контролируемого и направляемого общества, в котором будет господствовать элита... Освобожденная от сдерживающего влияния традиционных либеральных ценностей, эта элита не будет колебаться при достижении своих политических целей, применяя новейшие достижения современных технологий для воздействия на поведение общества и удержания его под строгим надзором и контролем*» (Brzezinski Z. *Between Two Ages*. N.-Y., 1976. P. 252).

¹⁵ «*Движение к большему сообществу развитых стран... не может быть достигнуто путем слияния существующих государств в одно большое целое... Хотя намерение сформировать сообщество развитых стран менее претенциозно, нежели стремление к мировому правительству, зато более осуществимо*» (Brzezinski Z. *Op. cit.* P. 296, 308).

¹⁶ Brzezinski Z. *Op. cit.* P. 304.

¹⁷ В 1966 г. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) инициировала силами одного из будущих отцов-основателей Римского клуба Эриха Янча исследование «*Перспективы технологического прогнозирования*», в котором была подчеркнута тенденция интеграции прогнозирования и планирования, приводящая к новой области интеллектуальной рефлексии и практической деятельности: «*активному представлению будущего*». Название следующей записки Янча: «*Попытка создания принципов мирового планирования с позиций общей теории систем*». Основная идея работы: базовым элементом социальной эволюции является человек, способный формировать свое будущее. Критическое условие процесса — контроль над системной динамикой общества и окружающей средой. Схожие идеи содержатся в «*Проекте-1969*» Аурелио Печчеи, где формулируется необходимость «*нормативного планирования от будущего к настоящему*» для обеспечения контроля над «*некоторыми важными вопросами*» (демографическая ситуация, продовольствие, безопасность). (Подробнее см.: А. Pесcei. *The Chasm Ahead*. Toronto, 1969).

и организовать основы мониторинга будущего, поиска «путей понимания нового мира со множеством до сих пор скрытых граней, а также познавать... как управлять новым миром» (А. Печчеи)¹⁸.

В середине 1960-х гг. происходят многочисленные подвижки в мировой структуре: СССР пытается обновить свой курс в политике, как внутренней («экономическая реформа»), так и внешней («доктрина Брежнева» наряду с движением к *détente*'у). Де Голль публично прокламирует новый образ Европы, и Франция выходит из военной организации НАТО. ОЭСР активно разрабатывает и пытается освоить методологию нормативного прогнозирования. В Китае смена номенклатуры принимает облик «культурной революции». Третий мир основывает «движение неприсоединения», усиливаясь за счет бурного процесса деколонизации и т. д.

Перемены происходят и в Соединенных Штатах, их активное обсуждение ведется в ряде элитных организаций, в том числе в Совете по международным отношениям (CFR). Так, в конце 1966 г., в ситуации нарастания кризиса: бомбардировок Северного Вьетнама, разногласий с европейскими союзниками (прежде всего с Францией), наметившихся валютных неурядиц — президент США Линдон Джонсон выступает с заявлением, говоря, в том числе, о необходимости «поскорее наладить связи между Западом и Востоком». Уже в декабре того же года согласовывается базовая формула многостороннего Договора о нераспространении ядерного оружия (негласные переговоры начались еще годом ранее, вскоре после снятия в СССР Хрущева, а осмысление ситуации не прекращалось после Карибского кризиса). Сам же договор подписывается 1 июля 1968 г.

Речь, таким образом, шла о конструкции социального транзита, оснащенного соответствующей арматурой, т. е.

---

¹⁸ Декларация Римского клуба // Римский клуб. История создания, избранные доклады и выступления, официальные материалы. М., 1997. С. 310.

моста в будущее. В разговоре с одним из активных участников проекта Макджорджем Банди (на тот момент главой Фонда Форда, а с 1961 г. до начала 1966 г. помощника по национальной безопасности) Линдон Джонсон сформулировал позицию приблизительно следующим образом: «Я хочу, чтобы Вы поехали и построили мне мост на Восток».

В конце 1966 г. на основе Совета национальной безопасности США создается рабочая группа (во главе с сотрудником Совета Френсисом Бейтором) по осмыслению и реализации этого долгосрочного проекта. Совет по международным отношениям и Белый дом иницииируют с декабря по май 1967 г. серию дискуссий и консультаций по новой дальней границе американской и мировой истории, к которым привлекается, в числе других, будущий создатель Римского клуба Аурелио Печчеи (участвовавший в обсуждениях, проходивших, в частности, в Белом доме и Госдепартаменте). Весной 1967 г. Макджордж Банди направляется в поездку по ведущим западноевропейским странам (Великобритании, Франции, Германии, Италии) и СССР с соответствующей миссией строительства «моста на Восток» и анализа «способности развитых стран по организации интеллектуальных усилий, направленных на исследование возможностей решения крупномасштабных проблем».

Уже летом того же года (23–25 июня, «Холлибуш», Гласборо, Нью-Джерси) происходит встреча американского президента и советского премьера Алексея Косыгина (впоследствии также несколько раз встречавшегося и с вице-президентом Хьюбертом Хэмфри). Вторая встреча президента США с премьером Косыгиным, намеченная на конец лета 1968 г., однако, так и не состоялась по понятным причинам.

Развитие событий идет как по линии государственных контактов, приведших в итоге к реализации политики *детанта* (официальное объявление о намерении начать переговоры «об ограничении и сокращении стратегических наступательных вооружений и систем противоракетной обороны» было сделано СССР в июле 1968 г.; начало перегово-

воров в Хельсинки произошло в ноябре 1969 г.). Равно как и создания многоступенчатой системы межправительственных и неправительственных организаций, занятых поиском новой формулы обсуждения и решения «общих проблем» и мироустройства в целом¹⁹. Также в русле соответствующей с инициативы президента обсуждаются (по словам Макджорджа Банди) «возможности основания международного центра исследования проблем, общих для развитых стран» и разработки «новых методов управления», нужду в которых испытывают «как Запад, так и Восток». И еще — создание транснационального «центра обучения».

Пространство мировой проблематики легализуется и кодифицируется в контексте глобальных проблем человечества. Под эгидой данного тезиса иницируется появление ряда интеллектуальных центров и международных неправительственных организаций, среди которых, спустя некоторое время, привлекает внимание Римский клуб.

Смоделированный еще в апреле 1968 г. (после провала попытки организовать трансдисциплинарное интеллектуальное сообщество в Академии Деи Линчеи и накануне майских событий в Париже), во многом благодаря подвижническим усилиям Аурелио Печчеи и Александра Кинга, Римский клуб приобрел мировую известность, хотя и начал публичный отсчет своей истории несколько позднее. А именно после выхода в марте 1972 г. Первого доклада клубу — знаменитых «Пределов роста», разошедшихся по миру, без преувеличения, миллионными тиражами. (Доклад был создан Деннисом Медоузом с супругой и «сотоварищи» на основе модели «Мир-3», разработанной профессором Массачусетского технологического института Джейм Форрестером.) Сам же клуб был задуман

---

¹⁹ В качестве примера приведу заявление Ричарда Никсона на юбилейной сессии НАТО в 1969 г. о наличии трех измерений НАТО: политического, военного и социального. Причем в социальное измерение была включена и экологическая проблематика (точнее, проблемы, связанные с окружающей средой). В том же году появляется Комитет НАТО по проблемам современного общества.

достаточно оригинально — как «не-организация», предметом деятельности которой является не институализация и проведение соответствующих исследований, но организация трансдисциплинарных (системных) проектов по долгосрочному прогнозированию глобальной проблематики. (Или, пользуясь также терминологией клуба, «затруднений человечества».)

Одновременно в 1966 г. рождается инициатива проведения трансдисциплинарного обсуждения складывающейся в мире ситуации на основе интеллектуальных возможностей нобелевских лауреатов. План был реализован в 1969 г. — и во многом благодаря усилиям Арне Тиселиуса — в форме «Нобелевского симпозиума», продекларировавшего в качестве обсуждаемой темы «*место ценностей в мире фактов*» (в дальнейшем, после смерти Тиселиуса в 1971 г., работу возглавил президент «Нобелевского фонда» Сэм Нильсон). В данном контексте, в конечном счете, формируется *Международная федерация институтов перспективных исследований* (IFIAS, Триест, октябрь 1972).

А в результате проведения переговоров по линии Запад — Восток (в рамках уже наметившегося американо-советского сотрудничества и с одобрения и при поддержке Алексея Косыгина) основывается междисциплинарный *Международный институт прикладного системного анализа «по общим проблемам»* (IIASA, Лондон, октябрь 1972 г.). Институт находит пристанище в загородной резиденции Габсбургов под Веной — замке Лаксенбург. В его деятельности принимают участие и проходят стажировку представители противостоящих политических блоков.

В чем-то схожий, но, как сказали бы сейчас, «более виртуальный» характер носил международный *Совет по новым инициативам в сотрудничестве между Востоком и Западом* («Венский Совет» или Совет «Восток — Запад»), созданный в результате проведения международных конференций «Вена-1» (1974) и «Вена-2» (1979).

Между тем успешно завершается подготовка *Договора о системах противоракетной обороны* (1972), обозначив

длительный период последовательных договоренностей о контроле над стратегическими и наступательными вооружениями, а в рамках процесса детанта начинаются и переговоры по безопасности и сотрудничеству в Европе, приведшие к подписанию Хельсинкских соглашений (1975). США сворачивают военное присутствие во Вьетнаме (и заодно амбициозную космическую программу).

На строительной площадке исполненных надежд 1972 г. проводится Первая (Стокгольмская) конференция по окружающей среде, имевшая долговременные следствия. А через год выходит второй доклад Римскому клубу Михайло Месаровича и Эдуарда Пестеля «Человечество на перепутье», во многом посвященный проблеме «органического роста» и «сбалансированного развития». Проблеме экологического развития в значительной мере был посвящен также доклад клубу Яна Тинбергена (координатора проекта) «Пересмотр международного порядка» (1976)²⁰.

Доклад был связан не столько с привычной ныне темой «нового мирового порядка», сколько с весьма отличной от нее и по содержанию, и по духу (хотя схожим образом звучащей на русском языке) концепцией «нового международного экономического порядка», активно разрабатываемой в те годы странами Третьего мира, игравшими все более заметную роль в тот период (что, в частности, и отразилось в столь часто неверно толкуемом определении «Третий мир», обозначившем отнюдь не третьесортность, а, напротив, не-

---

²⁰ В конце концов, идеология сбалансированного или самоподдерживающегося развития находит свое развернутое определение («такое развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности») в знаменитом докладе «Наше общее будущее» Международной комиссии по окружающей среде и развитию (1984-1987) под председательством Гру Харлем Брундтланд. А сама тема достигает своего пика в момент проведения «Рио-92» — Всемирного экологического саммита в Рио-де-Жанейро в 1992 г. Попытка реализовать нечто аналогичное десять лет спустя, в 2002 г. в Южной Африке, окончилась фактически неудачей.

кую дерзкую историческую амбицию и, как показывают события наших дней, не столь уж необоснованную)²¹.

Однако эйфория активной *деколонизации* в 1980-е гг. сменяется реальностью разделения «развивающихся стран» на динамичное пространство *тихоокеанского Нового Востока* и «*потерянное поколение*» *стагнирующего Юга*, к которому принадлежат, к примеру, большинство государств Африки...

Но параллельно с политической и культурной деколонизацией Не-Запада семантика *глобальной революции* реализует себя и как «деколонизация» самого Запада, отмеченная элементами прямого либо косвенного демонтажа прежней культурной конструкции, мультикультуризации, квази-ориентализации, частичной ее де-христианизации. *Глобальная деколонизация*, борьба за многорасовое и поликультурное общество, за признание гражданских прав меньшинств и главенство принципа суверенитета человека независимо от его личных свойств, убеждений и наклонностей прочитывается как многослойный и универсальный процесс. (В частности, распространяется, вызывая различные чувства: от недоумения и насмешек до активной, порою фанатичной поддержки, постулат *политически корректного поведения*, соответствующего мультикультурной системе ценностей и соответствующим поведенческим стереотипам.)

В период активной реинституализации глобальной среды появляется на свет также *Трехсторонняя комиссия*, объединившая влиятельных лиц, перспективных политиков и ведущих интеллектуалов США, Европы, Японии (1973). А после прошедшего в том же году вашингтонского совещания министров финансов крупнейших стран Севера рождается такой влиятельный институт наших дней — междуна-

---

²¹ «Слаборазвитые страны, Третий мир вступили в новую фазу... Наконец-то этот Третий мир — игнорируемый, эксплуатируемый и презираемый, подобно третьему сословию, теперь также захотел обрести собственную судьбу». Sauvy A. // L'Observateur. Paris, 14 aout. 1952.

родный регулирующий орган, — как ежегодные совещания *Большой семерки* (Рамбуйе, 1975)...

Короче говоря, к концу века становятся очевидными трансформация прежнего Севера, изменение смыслового контура. В результате распада СССР (1991) и связанных геополитических конструкций появилось пестрое пространство «стран с переходной экономикой», а Соединенные Штаты превращаются в уникальную «глобальную державу» с неопределенными полномочиями, изменившейся сферой компетенций и широким кругом ответственности.

Одновременно прорисовывается контур принципиально иных социоконструктов: *транснациональных сетей* *Квази-Севера* и «*мирового андеграунда*» *Глубокого Юга* («*ибо новая вавилонская башня не будет устремлена в небо, но обращена вглубь*»), обладающих различным горизонтом, но сливающимися в исторической перспективе в общий архипелаг диффузного мира.

В меняющемся социокосмосе просматриваются экзотичные шкалы ценностей и двусмысленные исторические горизонты. Попытки постичь сложность бытия приводят порою к срывам и утрате даже прежнего искусства чтения социального текста, а местами к упрощению окружающей действительности, ее хаотичной фрагментации и архаизации.

Возникающие в разных местах планеты очаги «пирократии» чем-то напоминают ветхий и разрушаемый вандалами дом, пустую оболочку, покинутую населявшими ее ранее смыслами. Бытовой мусор, умножающиеся, помеченные инвентарными номерами и выставленные анонимным продавцом на глобальный аукцион «ненужные вещи», всевозможные отринутые обломки футуристичных конструкций и «великих строек века» — все это постепенно превращается в никому не нужный мусор, гигантскую, вселенскую свалку отходов, сжигаемую, в конечном счете, как сор.

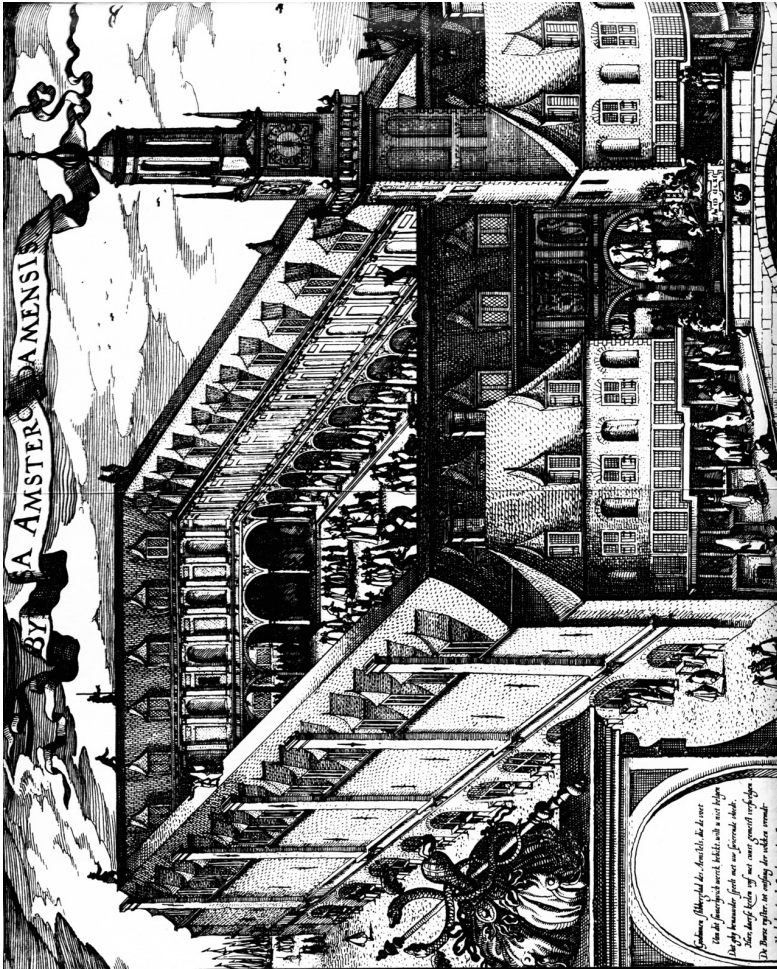
* * *

Не случаен произошедший лексический сдвиг от привычного термина «*мировая экономика*» к «*экономике глобальной*».

В хозяйственной и финансовой механике мира происходят драматичные перемены: формируется *глобальный рынок*, утверждается система ценностей, основанная на финансовой редукции бытия (*цифровое мышление, цифровая культура*), где деньги выступают в роли субститута миростроительных энергий. Интернационализируясь и становясь особым товаром, деньги — новая *мера вещей* — замещают пространство хозяйственных операций (в полном соответствии с прозорливым пониманием хрематистики Аристотелем), постепенно вытесняя прежнее понимание экономической практики на обочину.

Деньги — как бы своеобразные атомы дольного мира, взятого в его социальном, а не физическом аспекте. Познание внутренней сущности материи, ее последовательное разложение на составляющие элементы имели следствием изобретение небывалых по силе устройств (к примеру, той же ядерной бомбы). Исследование внутренней природы и потенциальных возможностей финансового (цифрового) прочтения мира также может привести к созданию сокрушительных технологий, способных реализовать как «управляемый синтез» (своеобразный «финансовый термояд» — открыв источник неограниченного кредита), так и собственные Хиросиму и Чернобыль.

В конце 1960-х гг. намечается кризис производственной и банковской систем и соответствующей инфраструктуры, традиционных форм капитала, равно как и кризис накопления капитала, падение его производительности. Мировая экономика при этом тяготеет не только к глобальному охвату, но также к глобальному аудиту: форсированному выявлению новых предметных полей деятельности, каталогизации материальных и нематериальных объектов — акту-

Корнелис Виссер. Биржа в Амстердаме. Гравюра XVII в. Фрагмент

альных и потенциальных элементов финансовых операций. А также к производству инновационных форм капитала, к изменившейся роли нематериальных активов, равно как и к расширению ареалов приватизации (вплоть до откупа зон «публичного блага»), последовательно продвигаясь к комплексной (иерархичной), геоэкономической формуле мирового разделения труда.

В начале 1970-х гг. прежняя модель экономической практики на планете претерпевает серьезные изменения. Происходит «правый поворот», знаменующий рывок к власти глобальной олигархии, обозначивший стратегический союз прежних собственников и новых управленцев (новую классовую общность). В сообществе индустриально развитых стран имеет место отказ от кейнсианства и проектов социального государства, обостряется конфликт между производственным капиталом и капиталом финансовым, разрешающийся в пользу последнего. А в странах Третьего мира прежняя стратегия, нацеленная на замещение импорта («индустриальная модернизация»), сменяется технологией экономической деятельности, целью которой являются поощрение экспорта («сырьевая модернизация»), широкая приватизация и продажа, в том числе за рубеж, национальных активов, установление максимально благоприятного климата для накопления капитала, независимо от того, как это сказывается на обществе в целом.

В последние десятилетия XX в. зона действия данной стратегии постепенно охватывала планету: от Чили до Великобритании, от распавшегося Советского Союза до трансформирующегося ареала Восточной Азии. Имеется в виду, конечно же, *неолиберальная модель* экономической практики и соответствующая ей конструкция мироустройства. (Впрочем, достаточно вариативная, сочетающая подчас противоположные на первый взгляд феномены: к примеру, экономический либерализм с политическим авторитаризмом или воплощающая такой химеричный феномен, как неолиберальный феодализм).

Экономика не является наукой в строгом смысле слова, она — часть практики, т. е. «субъект-субъектных» отношений; иначе говоря, экономика есть функция культуры и напрямую зависит от смены культурной платформы. Недаром Маргарет Тэтчер в свое время заявила: «Экономика — это средство. Целью же является изменение души»²².

Неолиберализм в самом кратком определении — это экономическая власть (чтобы не сказать, экономическая диктатура), освобождающая свои деятельные формы от иных — национальных, социальных, государственных, этических — ограничений, сопровождающаяся сужением пространства публичной политики и представительных форм манифестации власти. Более того. В каком-то смысле это финал долгого состязания государства и капитала, порождающего новый формат социального обустройства (общественного строя): *государство-корпорацию*. Иначе говоря, в столкновении двух источников власти — государства и капитала — государство постепенно освобождается от обременений государственности, а власть переходит к геоэкономической системе политико-экономических центров силы. Подобная феноменология, выходящая за пределы прежних прописей миростроительства, обладает собственной логикой и энтузиазмом, демонстрируя начала иной исторической эпохи.

Одновременно на поверхность выходит феномен *сетевой культуры*, активно утверждающий себя как в формах

---

²² Кстати говоря, геоэкономическая парадигма, переводя хозяйственную деятельность планеты с рельс «шумпетерианского локомотива» в режим часовой механики «планетарной дани» — в виде диверсифицированного механизма возгонки квази-рентных платежей и упрочения «вассальных» отношений — тем самым демонстрирует девальвацию культурного кода *христианской — европейской — североатлантической — глобальной* цивилизации, предоставляя стратегическое преимущество восточной метафизике и ее деятельным протагонистам: Китаю, Японии, Юго-Восточным и прочим «драконам и тиграм». Другими словами, в условиях остановки радикального инновационного прогресса Азиатский центр обретает столь необходимую ему устойчивость, чувство горизонта (а не уплывающей в бесконечность «дальней границы» истории) и — соответствующий новой экономической/политической ситуации вес.

социальной организации, так и экономической деятельности, находя подтверждение своей исторической релевантности в кризисе прежней системы общественной регуляции. А также в становлении новой социальной группировки — транснационального *сословия элитариев*, существенно отличающихся и от прежней буржуазии, и от бюрократизированного корпуса чиновников-управленцев.

На планете формируется *социальный и политический класс*, связанный с постиндустриальным производством/бытием, глубоко враждебный прежнему порядку вещей. Логика становящегося мира далеко не всегда совпадает с рациональностью человека эпохи Модерна, а формальное (т. е. отчуждаемое, дисциплинарное) знание нередко замещается знанием трансдисциплинарным, персонализированными умениями, сноровкой, неотчуждаемыми от субъекта действия²³.

Доминировавший в кодах современной (*modern*) цивилизации *протестантский этнос* претерпевает кризис и глубинную мутацию. В недрах общества на протяжении столетия формировалась иная мировоззренческая позиция, другая система ценностей — пусть еще не вполне отчетливая, не до конца прочитанная, но активно утверждающаяся в живом тексте бытия. Люди новой культуры выходят за пределы социального и культурного контроля «над разумом и языком», за пределы религиозного патернализма, прежних форм метафизического, психологического программирования действий. Они расстаются не только с оболочкой обрядности и стереотипов, но и со всем прежним прочтением культурной традиции — реализуя метафизическую и практическую свободу выбора, равно как свободу существования вне какого-

---

²³ Тетраматрица знания описывает четыре его состояния: а) рациональное и отчуждаемое от создателя (формальное, дисциплинарное знание); б) рациональное и неотчуждаемое (мастерство как персональное искусство); в) нерациональное и отчуждаемое (объекты художественного творчества); г) нерациональное и неотчуждаемое (манifestацией которого является субъект сам по себе).

либо определенного метафизического модуса, что позволяет произвольно толковать основы и цели бытия, проявляя свою истинную сущность, какой бы та ни оказалась.

Человек-суверен, расстающийся с психологией подданного и гражданина, действующий, вкупе с порождаемыми им антропологическими констелляциями, как транснациональный персонаж, как существо независимое по отношению к сложившимся структурам земной власти, — умножающийся и одновременно уникальный результат Новейшей истории. Он становится самостоятельным влиятельным актором, деятельно формируя пространства общественной и ментальной картографии, очерчивая горизонты обновленного театра действий, который в одном из важнейших аспектов можно определить как *власть без государства*.

* * *

Что же происходит сегодня в сфере международных отношений: созидание или разрушение, прорыв в будущее или провал в прошлое, повышается или понижается уровень цивилизации на планете (*цивилизованности, политеса*) ?

Тут целый ворох вопросов. Куда движется мир: к реконструкции монополярной (имперской) типологии правления глобальной страны-системы либо той или иной формы международной администрации? К новой биполярности: США и Китая? К многополюсному или олигархическому социуму? К апофеозу модернизации и появлению на планете политических, либо, по крайней мере, социальных институций глобального гражданского общества? К безбрежному, анонимному, многомерному пространству социального действия, управляемому и направляемому безликими сетевыми организациями? Или же к торжеству самоорганизующийся критичности, турбулентному, многоплановому столкновению цивилизаций либо распаду всякой устойчивой социальности и вселенскому хаосу?

Многообразие концептуальных замыслов, эскизные воплощения версий отражают транзитное состояние со-

циальной криптограммы, декодируемой субъектами современной «игры в бисер», вычерчивающими, подобно Каю во дворце Снежной королевы, картографию вступающего в свои права века. Однако успешное завершение дешифровки ребуса, возможно, как и в знаменитой истории требует учета человеческого соучастия, активной позиции новых влиятельных социальных акторов, изменившихся возможностей антропологического воздействия на всю совокупность протекающих на планете процессов: от природных до социальных, от трансформации культурных позиций до транзита мировоззренческих оснований цивилизации, да и самого ее статуса.

Смысловой кризис и расхождения в аксиологии заметно деформируют привычные представления. Химеричная концептуалистика переходного периода оказывается редукцией положения вещей, а концепты долгосрочного прогнозирования — весьма уязвимыми. Мы видим, что времена футурологического энтузиазма, характерного для 1960–1970-х гг. прошлого столетия, явно канули в Лету. Нынешний горизонт рационального планирования, судя по официальным документам (к примеру, стратегические карты Пентагона, оценка развития событий Национальным советом по разведке США или, скажем, обнародованные планы роста экономики КНР), как правило, не выходит за рамки 2020 г. Но наряду с привычными методами проектирования событий распространение получает концептуальная разведка (*probing*) будущего, равно как и вычерчивание опрокинутого «древа ситуаций», произрастающего из восприятия истории как целостной структуры, обладающей внутренней логикой развития.

То, что мир не будет таким, каким был или казался, в общем-то, очевидно. События 11 сентября и наступившие под их сенью последствия разрушили, прежде всего, психологический барьер перед приходом новизны, впустив сквозь узкие врата духов перемен, высветили на обломках геркулесовых столбов современности обновленную систему миро-

вых связей. Трагические события по-своему легализовали смену парадигмы внешней политики, упрочив тенденцию к преадаптационным действиям, т. е. действиям, нацеленным на опережение судьбоносных событий. Так, скажем, основу прежней стратегии национальной безопасности — *доктрину сдерживания* и связанную с ней концепцию *устрашения на основе массированного ответного удара*, сменил новый стандарт — *доктрина упреждающих действий*, включающая в себя возможность и подчас обязанность нанесения превентивных ударов.

Перемены в определенной мере являются результатом расширения спектра субъектов мировых связей, не подпадающих ни под их прежнюю номенклатуру («национальное государство»), ни под прежние механизмы сдерживания («массированный ответный удар»).

Соединенные Штаты, став мировой регулирующей державой (своеобразный исторический парафраз темы «свободы единого»), по-своему прочитали траекторию цивилизационного маршрута. Однако в новой конфигурации социовселенной, параллельно с очевидным возвышением Америки, возникают альтернативные претенденты на мировое господство либо на ту или иную форму соучастия в нем.

Так, помимо возвышения очевидных претендентов (скажем, таких стран-систем, как Европейский Союз, Большой Китай, многонациональная Индия) в процессе транснационализации и частичной конвергенции элит очерчиваются контуры заметно иного планетарного субъекта: хозяина геозкономического универсума — универсальной *штабной экономики*.

Расширяется также область присутствия на планете (и рост влияния) эклектичной культуры *мирового Юга*, оценки которого разнятся от «источника жизни, питающего стареющий Запад», до «нового варварства, удушающего цивилизацию». Мировой Север и мировой Юг обретают глобальные пропорции, послойно сосуществуя на единой

планете, но представляя все более разнящиеся, *разделенные миры*, обладающие различными образами будущего и историческим целеполаганием.

Конфликты и турбулентности, возникающие подобно электрическим разрядам между этими полюсами, ведут к становлению динамичной и глобальной структуры управления — *поствестфальской системы мировых связей*.

* * *

Очевидно, что в прописях миростроительства произошел ряд серьезных подвижек: кризис национального государства, формирование мировых регулирующих органов и обновленной системы международных отношений, появление нового поколения субъектов мировых связей.

На планете складывается система координат и отношений, дезавуирующая монотонность прежней оппозиции Восток-Запад. Во многом разговор о *столкновении цивилизаций* — и о необходимости его перевода в конструктивную, синкретичную форму *диалога цивилизаций* — порождение именно кризиса института национального государства, систем международной регуляции в целом, а, возможно, кризиса всей современной цивилизации.

В ведущейся полемике термин «цивилизация» (а заодно возрождение *имперской терминологии*) используется во многом из-за очевидного дефицита категориального аппарата для описания оригинального состояния мира, из-за необходимости как-то очертить рамки формирующейся социополитической связности. Новое потому и является новым, поскольку для него нет имени. Другими словами, на планете возникает форма мироустройства, для которой нет адекватных терминов, слов, определений. В подобной ситуации мы пользуемся категориями «империя» и «цивилизация», чтобы зафиксировать расширение прежних параметров политической организации, круга ее значимых субъектов, т. е. тех реалий, которые очевидным образом соприсутствуют в полифоничном концерте мировых связей.

Описывая состояние социокосмоса, дисциплинарная мысль вскрывает даже не *трансформацию* мироустройства, но нечто большее: *транзитность* исторической ситуации, деконструкцию прежней организации мира и активный поиск нового конструкта, а жизнь вносит в эти усилия неизбежный прагматизм и элементы концептуальной эклектики.

В последние годы меняется сама формула глобализации. Энергично протекают процессы автономизации, субсидарности, рождающие парагосударственные региональные (*глокальные*) образования, анклавов и «астероидные группы» различного генезиса, умножая клубное содружество акселераторов мирового развития. Какое-то время лейтмотивом стратегических штудий была тема финансово-правовой унификации мира, при которой акцентировались такие категории, как «*конец истории*», «*публичная дипломатия*», «*международные неправительственные организации*», «*вашингтонский консенсус*», «*коалиции сил*», «*национальная транспарентность*», «*бархатная революция*» и т. п. Затем в центре внимания оказался несколько иной реестр понятий, таких, как «*столкновение цивилизаций*», «*гуманитарная интервенция*», «*ось зла*», «*глобальная держава*», «*страна-империя*», «*несостоявшееся государство*», «*системный терроризм*», «*страна-банкрот*», «*творческая деструкция*»...

Тема «*столкновения и диалога цивилизаций*» отражает, помимо прочего, утрату мировым сообществом привычной субъектности и поиск конструктивной формулы грядущего мироустройства. Причем не столько в области мировоззренческого консенсуса, сколько в сфере социальной практики.

Другими словами, основу нарастающей турбулентности я вижу не в том, что цивилизация Модернити, форсированно осваивая мир, вводит себя в полосу перманентных коллизий. И не в том, что на планете возникает концерт политически аморфных цивилизаций, чреватый их контролируемой или неконтролируемой экспансией, — политическая субъектность «цивилизаций» мне вообще представляется сомнительной. Скорее можно говорить о том, что на планете

сложилась ситуация культурной растерянности, и сквозь эклектичную субстанцию просматривается контур некой *постцивилизации*.

Конечно, понятие «постцивилизация» двусмысленно, тем более что цивилизацию я все-таки понимаю не как культурный круг. Для меня цивилизация существует скорее в координатах маркиза Мирабо — как градус политеса, цивилизованности человека и общества, нежели как выраженное своеобразие и феноменологическая оригинальность. Феноменологическая специфичность для меня — скорее свойство культуры, качество культурной организованности. А цивилизация — составная часть вполне банальной триады: *архаизация — варварство — цивилизация*, т. е. цивилизацию я прочитываю диахронно, а не пространственно, как трансценденцию обстоятельств и повышающийся градус свободы.

Но именно поэтому понятие «*цивилизация после цивилизации*» не вполне удобно, оно *горчит*... Возможно, точнее было бы сказать, что мы вступаем в непознанную, *четвертую* фазу социальной организации (после архаики, варварства, цивилизации). Удивительным образом данное понятие корреспондирует четвертому состоянию вещества (твердое, жидкое, газообразное, плазменное), напоминая отдельными чертами характеристики именно турбулентного (плазменного) состояния. В физике формирующегося миропорядка намечается диссипативное, неравновесное, но устойчивое соединение цивилизации и дикости, футуризма и архаики в некотором синкретичном культурном контексте. И, возможно, конфликт на планете разворачивается как раз между призраком этой грядущей постцивилизации и современным миром Большого Модерна.

Миропознание: современная книга перемен

Специфика времени, которое мы переживаем — предчувствие социального *Big Bang*'а, глобальная трансформация казавшихся незыблемыми основ современного строя.